

NEW YORK
FOR DEFENSE
MAY 1942
ADVISED BY POSTAL SERVICE

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 413 E. 14th St., New York, N. Y.

Хлестаков в свете науки

Роль Хлестакова в «Ревизоре» Гоголя, была всегда «гвоздем» репертуара артистов драмы. Уже со дня первой постановки начались различные трактования и интерпретации этой роли. Как играть Хлестакова, в комических тонах, или как легкомысленного фата, или как мелкого мошенника, или с драматическим подходом? Разнообразные трактования роли принимались в зависимости от индивидуальности актера.

Гоголь сказал, что во всей пьесе проходит «смех сквозь слезы». Обычно, либеральные писатели воспринимали основу пьесы с оттенком гражданской скорби. Они скорбели о падении государственной власти в провинции в результате взяточничества, невежества и темноты чиновников.

В роли Хлестакова есть всегда трагический налет, понятный нам, русским, и совершенно непонятный иностранцам. В Чикаго «Гудман» театр поставил «Ревизора» на английском языке как веселый фарс из русской жизни, и местные газеты так и отметили это в своих статьях.

Понятно, такой подход ошибочен.

В мировой литературе часто встречаются типы, подходящие почти вплотную к патологическим типам, определенным современной психиатрией. Писатели, инстинктивно и путем наблюдения, «создавали» тип, который впоследствии квалифицировался наукой. Хлестаков и есть лучший пример для иллюстрации того, что тип, созданный творческой фантазией писателя, впоследствии может быть определен наукой, как типичный пример душевнобольного со всеми симптомами, свойственными душевной болезни. Анализируя пьесу, можно прийти к убеждению, что Хлестаков типичный объект душевной болезни *dementia praecox* или *schizophrenia*, или расщепления личности. Характерным свойством этой болезни является разделение мысленного и душевного облика на два мира «external environment» и «internal environment». В большинстве случаев природы с нежной и поэтической душой не могут вынести всей прозы грубости жизни и создают свой новый внутренний мир, в котором они находят убежище от жестоких ударов действительности. Действительность перестает для них существовать, и их фантазия погружается в новый «героический» мир, в котором она находит отраду и утешение от горьких разочарований жизни. Конторщик, работая в офисе, не слышит шелканья машины, а слышит бравурную музыку воображаемых им полков, проходящих по улице около его окна, — музыку и топот ног солдат, которых он поведет к славе, затемняющей славу Наполеона. Рабочий, стоящий у станка, погружен в мир мечтаний и воображает себя великим изобретателем, вторым Эдисоном. Начинаящая актриса живет в искусственном, ей созданном мире, в котором она центр поклонения и обожания ее великого таланта.

Нет сомнения, что мир мечтаний и фантазии свойственен каждому нормальному человеку. Каждый строит планы, выходящие из обыденного масштаба его жизни. Только кретины и идиоты думают о жратве и сне, и у них нет возвышенных мотивов земного существования.

Возвышенные мечтания окрыляют людей в их борьбе за существование и очень часто поднимают их на лестнице успеха в жизни. Однако, когда фантазия покоряет действительность, тогда и в своей работе димая граница, за которой человек теряет свою работоспособность, тогда и в своей работе он начинает делать ошибки, — портить станки, делать неправильные подсчеты, проявлять халатность. Тогда он уже становится жертвой душевной бо-

лезни и будущим пациентом сумасшедшего дома.

Очень хорошо сказано у Киплинга: «If you can dream and not make dream your master». Если проследить действия Хлестакова, то нельзя не прийти к заключению, что он типичный шизофреник, т. е. страдающий душевной болезнью «*dementia praecox*».

Безусловно он человек развитой, начитанный, обладающий известной «персоналитей», однако при всей своей амбиции он не имел успеха в служебной карьере. Предмет его мечтаний — это стать большим сановником, министром и даже главнокомандующим. Судьба его поставила в условия, ведущие его в волшебный мир, созданный его фантазией и его монологах — типичные монологи шизофреника.

Возьмем для примера:

«Я всякий день на балах. Там у нас и вист составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник — и я... А любопытно взглянуть мне в переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели. Иной раз и министр...»

Один раз я даже управлял департаментом...

В ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете себе представить, тридцать пять тысяч одних курьеров...

Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть говорю...

— Меня сам государственный Совет боится...

— Во дворец каждый день езжу»...

Все эти монологах произносятся с «легкостью» ума необычайной и в то же время с неподдельной искренностью и жаром.

Городничий и окружающие не могут не верить искренности и убежденности Хлестакова. Но все эти истории и самовосхваления ничто иное, как продукт больной фантазии и творчество его «interior environment».

Такой анализ безусловно приводит к заключению, что актер должен играть Хлестакова в реальных тонах. Хлестаков не врет, т. е. не говорит неправду или не измышляет что-либо под контролем разума. Он совершенно искренен, все его небылицы и преувеличения есть создания его второй природы, его «internal environment».

Такой анализ безусловно приводит к заключению, что актер должен играть Хлестакова в реальных тонах. Хлестаков не врет, т. е. не говорит неправды, или не измышляет что-либо под контролем разума. Он совершенно искренен, все его небылицы и преувеличения есть создания его второй природы, его «internal environment». Когда он сердится, то краснеет, глаза его наливаются слезами, и он стучит кулаком по столу. Затем он отходит и снова возвращается в жизненные рамки. Тогда наступает сложная эмоция, сопровождаемая раскаянием и боязнью за собственную болтовню. Однако такое состояние трудно поддается психологическому анализу. Очень трудно определить душевную болезнь жертвы «*dementia praecox*». Пациент совершенно нормален и даже по своему уму и интеллекту стоит выше окружающих. Его мышление совершенно логично, и только наблюдение доктором в течение 24 часов может поставить диагноз.

Сам Гоголь был ненормален. Его душевный мир был переплетен с сексуальной сферой и, как это часто бывает, с религиозным экстазом. В таких гениальных художественных образах, созданных его больной фантазией, как Шинель, Вий и др., ясно просвечивает его большое воображение. Герои Гоголя — это создания его «interior environment» и по всей вероятности,

они захватили автора больше, чем его читателя.

В современной жизни *dementia praecox* победоносно шагает и захватывает в свои сети человечество во все более и более возрастающей пропорции. Дома для сумасшедших переполнены, штаты и города строят их повсюду. Печать молчит и скрывает истинное положение.

Многие шизофреники при современных способах лечения излечимы и могут быть возвращены к нормальной жизни и деятельности. В больших городах существуют клубы и общества бывших пациентов сумасшедших домов. Эти клубы обычно организованы докторами, стоящими во главе госпиталей. Члены таких организаций собираются для развлечения и для научных лекций, помогающих им установить их умственный баланс.

Многие однако идут ниже и ниже, теряют облик нормальных людей и делаются обузой для общества.

Понятно, каждый культурный человек смотрит на болезнь, как на несчастье, а не как на позор, и принимает все меры к тому, чтобы помочь больным возвратиться к нормальной жизни.

К сожалению, наше трагическое, переходное время создает условия все более благоприятные для процветания не нормальности. Никто не уверен в завтрашнем днем, и страх за будущее стоит перед каждым.

Однако, борьба необходима. Большинство знает, как вести борьбу или какие меры надо принять против заболевания и куда идти в случае заболевания чахоткой или сифилисом. Но как избежать ненормальности и сумасшествия и как поставить жизнь на началах ментальной (душевной) гигиены, — об этом мало кто знает.

А. З.